

ПОСЛЕД

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

APPROVED BY U.N.R.R.A. TEAM 505
ОДОБРЕНО 505 ОТДЕЛОМ У.Н.Р.А.

*„Не в силе Бог,
а в правде“*

Александр Невский

Год издания
второй

Воскресенье, 21 июля 1946 г.

№ 29 (36)

ЖЕРТВЕННОСТЬ

Тяжелое время пришлось пережить российским людям в Германии в 1941-45 г.г. Миллионы мужчин и женщин, юношей и девушек, подростков — были заперты в рабочих лагерях. Колочая проволока, охрана, гнетущие барачные помещения, где было холодно зимой и жарко летом, где в три этажа стояли кровати и не хватало воздуха от тесноты. Ежедневные утренние построения, во время которых озверелые надсмотрщики раздавали сотни пощечин и зуботычин, и марш длинных колонн под конвоем на работу. Бесконечно тянувшийся рабочий день, изнурительный труд, беспрестанный страх сделать что нибудь не так и подвергнуться жестокому унизительному наказанию. Скудный паек, вечное чувство голода, болезненного голода.

Не лучше было и тем, кого судьба разбросала по селам и хуторам третьей империи. Было сытнее, но рабочий день еще продолжительней, бесправие еще большее. Трудно сказать, кому было лучше у крестьянина, особенно у браденбургского, — собаке или «остовцу».

Но тяжелое материальное положение и юридическое бесправие — это еще не все. «Остовцев» подвергали небывалому моральному гнету. В лагерях не было священников; почти не было книг на родном языке; запрещено было жениться и выходить замуж; систематически и цинично применяемые телесные наказания коверкали молодые души.

Не выдерживая этой физической и нравственной каторги, люди, особенно молодежь, бежали, куда глаза глядят. Бежали во Францию, в Швейцарию, в Югославию, на Восток. Их ловили, и росло население концлагерей, росло количество жертв гитлеровской диктатуры.

Такое положение российских людей не могло быть безразличным тем россиянам, которые уже долгие годы жили за границей, или тем из вновь прибывших, которые в силу своей специальности и квалификации жили вне лагерей и находились в более нормальном материальном и правовом положении. Почти каждый из них старался чем нибудь помочь своим братьям и сестрам, находящимся за проволокой: поделиться продуктами, одеждой, снабдить книгами, газетами, защитить, по мере сил, перед властями и хозяевами.

Немецкие власти полицейскими мерами преследовали лиц, оказывающих систематическую помощь «остовцам», а в первое время каралось

даже общение с ними. Тот, в чью квартиру часто приходили «остовцы», мог быть уверен, что рано или поздно его вызовут в гестапо и «посоветуют» «прекратить». Через портье осуществлялась хорошо продуманная система шпионажа. С другой стороны, лагерные власти ревностно следили за теми, кто имел знакомых «на воле». Тщательно обыскивали при возвращении в лагерь, особенно интересуясь книгами, газетами, журналами — просто клочком бумаги, если на нем что-то было написано или напечатано.

Тогдашние хозяева Германии прекрасно понимали, что массы российских людей, даже загнанные за проволоку, даже связанные жесточайшим режимом по рукам и ногам, все же представляют из себя взрывчатый материал; что каждое слово правды, попадающее в эти массы, подготавливает взрыв, который и последует в соответствующий момент, от одной только искры, одного толчка.

Потому жестоко преследовались те, кто давали это Слово Правды; те, кто приносили его в лагерь; те, кто распространял его среди товарищей; те, кто слушал его.

Приносивший в лагерь для спекуляции продукты или вещи, в худшем случае попадал на 1-2 месяца в штрафной лагерь; приносивший в лагерь «Слово Правды», надолго, а чаще всего навсегда, попадал в гестаповские застенки.

Но находились российские люди, которых это не останавливало. Они знали, что придется жертвовать многим, очень многим, часто жизнью, и, зная на что идут — шли. Шли потому, что знали ради чего идут. Идут служить народу, Родине.

Массы российских людей, под влиянием внешней обстановки и переживая большой внутренний кризис — старое неприемлемо, новое оказалось хуже старого — находились в состоянии тяжелой моральной депрессии. Им надо было помочь разобраться в обстановке, помочь найти правильный Третий Путь, который приведет к Новому; показать это Новое во всей его прекрасности. Показать так, чтобы люди зажглись идеей Нового и твердо пошли к нему.

Но зажечь других может только тот, кто горит сам. И, идя выполнять эту ответственнейшую задачу, люди действительно горели верой в Новое и часто сгорали на пути к нему. Но сгорали не бесследно. Яркие вспыхивки благородного жертвенного пламени озаряли все вокруг и помогали найти правильный путь.

Р. Славин.